

Д.В. Труевцев, П.Р. Юсупов

## Проблемы психологии личности в эпоху постмодерна

90-е гг. XX в. в России были временем усвоения западных ценностей, способов описания мира, моделей политического устройства. Изменения затронули помимо общественных и государственных основ еще и науку. Появился ряд профессий и областей знания, отсутствующих ранее. Естественно, что речь не идет о простом переносе всей совокупности научного знания Запада, а об избирательном их отборе. После отказа от социалистической модели общественного устройства, от присущего ей акцента на приоритете коллективности стало неизбежным концептуализирование нового подхода к личности. Так, для отечественной психологии оказался вполне прогнозируемым интерес к западным психологическим теориям и концепциям личности.

Отечественные психологи, глядя на своих западных коллег, стали стремиться использовать полученные знания как основу для психологической практики. Они ощутили потребность в приверженности к какой-либо концепции, дающей четкое и понятное представление о структуре психики, личности и ее проявлениях. На данный момент на рынке психокультуры конкурируют до двухсот различных школ и концепций. Соответственно, перед психологами возник выбор: либо строить свою профессиональную идентичность вокруг одной концепции («заблуждений много, а истина одна!»), либо пытаться синтезировать все известные подходы к личности через нахождение общих положений («истина одна, но много ее обозначений!»). Результат того или иного выбора одинаково давал уверенность в том, что полученные знания и навыки приближают к подлинной (глубинной, объективной) природе психики человека; и эта уверенность позволяла объяснять наблюдаемые процессы, ставить оценки, диагнозы и, самое главное, осуществлять психологическую коррекцию, консультирование, психотерапию.

Однако психолог, сделавший первый выбор, с необходимостью замыкается на защите своих позиций и остается глух к возникающим контраргументам. В случае второго выбора в результате возникают отпугивающие своей громоздкостью и нечувствительные к противоречиям интегративные построения.

Дело в том, что эти две обсуждаемые альтернативы при всем их различии лежат в русле

традиции, идущей от эпохи Просвещения, для которой характерна вера в возможность достижения устойчивых, непротиворечивых оснований знания, убежденность в том, что с помощью методов научного познания «объективной реальности» можно обнаружить и овладеть единой истиной.

Все больше мыслителей в области гуманитарных наук приходят к выводу о бесперспективности и неправомочности обозначенных вариантов решения проблемы профессиональной идентичности, что заставляет пересмотреть ряд фундаментальных положений психологической науки, ранее считавшихся бесспорными.

Подобный пересмотр, начавшись в философии в 60-е гг., охватил широкие области гуманитарного знания, ознаменовал отказ от идеалов Просвещения и провозгласил переход в новое состояние, получившее название постмодернизма. Философской основой постмодернизма послужили работы представителей французского постструктурализма (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида).

С середины 80-х гг. ряд западных психологов стал осваивать подходы, сформулированные в русле постструктуралистской и постмодернистской мысли. К ним можно отнести: дискурс-анализ Дж. Поттера, социальный конструкционизм К. Джерджена, деконструкционистскую психологию П. Ричера, трансгрессивную психологию. Все эти направления стремятся привлечь внимание не на сами проблемы, занимавшие традиционных психологов (как то: «помочь» пациенту разрешить внутрилличностный конфликт, «создать» условия для самоактуализации клиента или для реализации значимых ценностей, идеального Я), а на то, каким образом конструировались эти проблемы и соответствующие им языковые категории.

В этом смысле перед российскими психологами в последнее десятилетие стояла гораздо более сложная задача: прежде чем подойти к пониманию постмодернизма в психологии как деконструкции традиционных концепций личности, им необходимо было еще освоить эти концепции и вытекающие из них практики.

Таким образом, в данной статье будет сделана попытка представить и раскрыть наиболее важные положения постструктуралистской и постмодернистской мысли, заставляющие по-новому взглянуть на различные психологичес-

кие теории личности и сопутствующие им дискурсивные практики.

Итак, уже сама ситуация наличия большого количества конкурирующих концепций личности, предпочтение которых определяется скорее модой, нежели методологической истинностью, свидетельствует об исчерпанности самой постановки вопроса о поиске наиболее правильного понимания субъекта, его «внутреннего содержания», его «должного» поведения.

Постмодернизм следует понимать не как новую концепцию, а, скорее, как выражение «духа времени». Именно таким «духом времени» можно считать наличие огромного количества теорий личности, подрывающего веру в единую непротиворечивую систему знаний о природе психики человека. Постмодернисты утверждают, что такая «система» в принципе невозможна, так как каждая концепция личности в ту или иную эпоху основывается на свойственной для нее метафоре.

М. Фуко в работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» исследовал культурно-историческую обусловленность используемых метафор человека, он показал, что используемые модели-метафоры конструируют образ человека, становящийся предметом гуманитарных наук. «Сначала царит биологическая модель (человек, его душа, группа и общество... существуют как живые существа и лишь постольку, поскольку они живут, способ их бытия считается органическим и исследуется в терминах органических функций), далее наступает царство экономической модели (человек и его деятельность – арена конфликтов с их более или менее успешным разрешением)», следует добавить, что человек и общество «конструируется» в терминах производства, строительной и разрушительной деятельности, затем «наступает царство филологической модели (когда речь идет о том, чтобы проинтерпретировать и открыть некий скрытый смысл) и лингвистической модели (когда речь идет о том, чтобы проструктурировать и выявить означающую систему» [1, с. 378–379].

В завершении «Слов и вещей» М. Фуко выдвинул тезис о «смерти человека», который можно понять, что образ субъекта начинает распадаться уже потому, что аксиомы различных концепций, описывающих человека, принадлежат к разным познавательным метафорам. «Психология как познание личности человека не может рассматриваться с исторической точки зрения отдельно от форм суждений, выносимых общественным сознанием» [2, с. 448].

Для традиционной европейской метафизи-

ки любое явление или событие получает смысл благодаря причастности к некой иерархической системе, центральное место в которой отведено трансцендентальной Истине, т.е. «все знаки культуры значимы здесь лишь за счет проступающего сквозь них первосмысла – «трансцендентального означаемого» [3, с. 239], то постструктуралисты и постмодернисты демонстрируют иллюзорность «трансцендентального означаемого» и невозможность окончательной интерпретации. М. Фуко объясняет это двумя принципами: 1) «...интерпретация никогда не может завершиться, потому что не существует никакого «интерпретируемого», не существует ничего абсолютно первичного, что подлежало бы интерпретации... любой знак по своей природе есть не вещь, предлагающая себя для интерпретации, а интерпретация других знаков; 2) интерпретируется не то, что есть в означаемом (основное в интерпретации – сам интерпретатор)» [4, с. 52–53]. Таким образом, для постмодернизма нет ничего первичного, что подлежало бы означению, все есть уже цепочка означающих. Следовательно, нет никакой изначальной природы человека; нет вневременных абсолютных норм и ценностей.

Вместе с исчезновением классического субъекта как источника самостоятельной активности прошло время «гигантов-одиночек», открывающих «дальние пределы человеческой психики», и защитников аутентичности и подлинности личности. Феноменология Э. Гуссерля и вытекающая из нее экзистенциальная философия – последняя неудачная попытка в XX в. дать трансцендентальное обоснование субъекта – найти чистое сознание и «подлинное» бытие.

Постмодернизм показывает, что традиционные подходы к личности не изучают ее, а конструируют в соответствии с ценностями, культурными и властными отношениями исторической эпохи. В центре внимания оказывается дискурс (логически связанная языковая система) той или иной концепции, претендующей на подлинное знание о человеке. Локус изучения переносится на исследование социокультурного генеза норм и ценностей, формирующих образ человека.

Самыми известными трактовками человеческой субъектности в европейской культурной традиции (начиная с эпохи Просвещения) являются: 1) трактовка человека Ж-Ж. Руссо, питающая миф о «благородном дикаре», не затронутого тлетворным влиянием цивилизации, оправдывающая поиски «утраченного рая» и «первобытной мудрости»; 2) трактовка субъек-

тности, идущая от Г.В. Гегеля, характеризующая человеческий путь как «жизненную нить», связывающую воедино прошлое, настоящее и будущее. Эта «нить» имеет смыслозаданную направленность на предельную цель (стремление найти смысл жизни, обрести свою «самость», достичь личностной идентичности и т.п.); 3) трактовка субъектности, постулирующая непрерывную борьбу человека за достижение внутреннего единства, гармонии, предписывающая разрешение внутренних конфликтов и обретение единства с окружающим миром.

Само появление психологии как науки в середине XIX в. было необходимым следствием вышеописанных трактовок субъектности. Таким образом, предметом психологии становится сформированный культурой образ человеческой субъектности, проинтерпретированный как внутренний психический мир человека (психическая реальность). Идея психологии как науки изначально базировалась на представлении об индивидуальном субъекте, наделенном ментальным аппаратом и внутренними психологическими механизмами. Постмодернизм провозгласил дифракцию субъективности, смерть индивидуального Я, растворяющегося в лингвистических конструкциях и конгломератах социальных отношений.

В традиционной психологии существуют два способа понимания личности. Оба принадлежат к эпохе модерна, имеют один корень, несмотря на декларирование их принципиальных расхождений.

Первый можно обозначить как объективистский, а второй – как субъективистский. Для первого характерно понимание человека через экспериментальное изучение отдельных его составляющих (эмоции, потребности, поведения, чувства и т.п.). Такой образ человека предлагают когнитивные и бихевиористские построения. Человек в них является объектом приложения внешних сил (машинно-компьютерная метафора).

Второй подход основывается на постулировании изначальной «уникальности личности», ее «свободы», «ответственности» и «права на выбор». Эти принципы получили развитие в экзистенциально-гуманистических концепциях, для которых были характерны природные, растительные и другие органические метафоры («потоки сознания», «личностный рост»), а также онтологизация эмоциональных состояний как неких сущностей (бытийные: «страх», «тревога»).

Существует большое количество вариантов «интеграции» этих двух подходов. Например,

для психодинамической версии «интеграции» характерно признание «осознания» как силы, преодолевающей детерминацию «темного бессознательного» и дающей свободу личности.

Поэтому бесперспективны и безосновательны научные споры, например, между бихевиористской и гуманистической школами. Эти споры скорее можно охарактеризовать как особый род игры, где каждый считает себя победителем, нежели как плодотворный поиск истины, основанный на «синтезе противоположностей».

К. Джерджен отмечает, что в проекте постмодерна научное знание предстает в виде «ценностно-насыщенного продукта социальных отношений», а образ мира («как он есть») сменяется представлением мира в контексте социальных и лингвистических конструкций.

Как было отмечено, в настоящий момент описание человека в лингвистических категориях вытесняет механистические, организмические модели субъекта, которые сами теперь воспринимаются как метафоры, происходит сближение психологии с лингвистикой, семиотикой и ее разделами – семантикой и прагматикой. Для постструктурализма рассмотрение основных принципов любой концепции личности становится семантическим анализом ее текста, стремлением вычленивть конструируемый ею образ, структуру ценностных ориентаций автора и весь ранее не учитывавшийся, скрытый коннотативный уровень.

Особый интерес для конструктивистской психологии представляет вопрос о том, как сконструированы предшествующие образы личности, какую историческую и культурную реальность они призваны воспроизвести. Каждый образ личности отсылает нас к соответствующей культурно-исторической ситуации. Подобный анализ позволяет понять то, каким хотела видеть человека та или иная эпоха, каким образом она конструировала его «человеческую сущность», какие для этого использовались метафоры и словесные конструкции. Как отмечает Дж. Поттер, «...главной целью этого критического движения (социального конструкционизма) является перемещение фокуса анализа с «Я-как-сущности» на методы конструирования «Я», т.е. вопрос заключается не в том, какова истинная природа «Я», а в том, как мы говорим о «Я», каковы те дискурсы, которые мы используем, выстраивая касающиеся «Я» теории» [5].

Постструктуралисты исследовали, как дискурс «конструирует» картину мира, активно воздействуя на адресата. Способы такого «кон-

струирования» были раскрыты Р. Бартом в его работе «Мифологии». Опираясь на коннотативную семиологию Л. Ельмслева, он построил собственную концепцию анализа коннотативных аспектов знака, выделил идеологические системы, «навешанные» на категории повседневного языка. У. Эко в «Отсутствующей структуре», комментируя Р. Барта, отмечает, что «коннотативное значение рождается именно тогда, когда означающее и означаемое формируют пару, которая становится означающим нового означаемого», что «связь означающего и означаемого произвольна, но навязанная языком, который... является кодом, она не может быть изменена по усмотрению говорящего» [6, с. 52–54].

Знаки денотативной системы становятся основой для системы коннотаций, которая имеет социально-культурно-психологическое происхождение и отражает ценностно-смысловое пространство носителей данного языка. Следует подчеркнуть, что коннотативные аспекты значений не фиксируются в словарях, однако являются общепонятными носителям языка, в определенном смысле они представляют идеологический фон существования. Таким образом, употребляя такие слова, как «счастье», «общение», «дружба», «любовь», мы включаемся в определенный смысловой контекст, заданный социокультурно. Ряд психологических концепций, используя категории естественного языка: «организм», «смысл», «ребенок» и т.д., наделяют их вторичным коннотативным значением, отражающим ценностные приоритеты. В результате психологического консультирования, следуя этим принципам, клиент, незаметно для себя (а часто и для самого психолога), оказывается втянутым в заданный ценностно-идеологический дискурс концепции.

В основе каждой традиционной концепции личности лежит своя собственная метафора, вырастающая в обширную сеть языковых категорий, принципов, допущений, которые опираются друг на друга.

В итоге такое развитие приводит к связанному набору замкнутых на себя знаков, образующих текст концепции (или ее миф, по Р. Барту). Оказывается, что такую концепцию невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, находясь вне нее.

Психолог, начинавший работать в категориях одной из таких концепций, мог осмысливать личность только в заранее определенных рамках. В результате психоаналитик обнаруживал «подавленное либидо», гуманистический психолог – «аутентичное бытие», бихевиорист –

«неадекватные реакции организма». Здесь уместно вспомнить гипотезу лингвистической отнесенности Уорфа-Сепира об ограничении восприятия языком и его влиянии на мышление.

По сути дела, язык концепции оказывается дискурсом, порождающим соответствующую социальную практику.

М. Фуко и Ж. Деррида показали неразделимость дискурса и власти, развеяв миф о ценностном нейтралитете ученых. Власть оказалась замаскированной в «объективных» научных категориях и понятиях.

Ж. Деррида была предложена особая процедура деконструкции дискурса для прояснения эффектов его воздействия, одной из элементов которой является исследование маргинальных элементов текста, в частности типа используемых метафор.

С точки зрения Дж. Лакофф и М. Джонсон метафора представляет собой не только поэтическое и риторическое средство языка, но является средством представления и осмысления действительности. По сути дела функция метафоры заключается в моделировании действительности. «Метафоры и метонимии не возникают случайно, а образуют последовательные системы, в рамках которых мы осмысляем наш опыт» [7, с. 428].

Далее будет предпринята попытка вскрыть властные механизмы психологического вмешательства, осуществив деконструкцию властного дискурса ряда концепций, формирующих субъекта, его проблемы и их решения.

С конца XIX в. психологические концепции личности становятся новым инструментом власти, задавая саму возможность обсуждения тех или иных проблем и соответствующий набор решений, выступая руководством в повседневной жизни.

Принятие научным сообществом критериев нормы и патологии дает право наблюдать за «субъектом», вмешиваться в его мир и нормировать поведение.

Так, психологическим дискурсом были созданы социальные практики (психотерапия, консультирование), которые обучали человека эпохи модерна постоянно рассказывать о своих переживаниях, проблемах. Подразумевалось, что эти «рассказы» о себе «правильные», т.е. ценностно-насыщенные, интерпретации психолога и эффект «осознания» (инсайта) способствуют избавлению от этих проблем и оздоровлению человека.

Предлагая человеку помощь в решении его проблем, психолог с самого начала (посред-

ством оперирования властно-коннотативно нагруженными категориями) включает его в систему координат данной концепции. Способом такого включения является конструирование с помощью бинарных оппозиций образов психического здоровья / нездоровья, гармонии / дисгармонии, счастья / несчастья и неразрывно связанных с ними ценностных представлений о хорошем и плохом (например, самоактуализация – хорошо, подавленное либидо – плохо).

В результате человек вынужден воспринимать себя определенным образом и стремиться к предложенным ценностным ориентирам.

Если же эти ориентиры оказываются персонально недостижимыми, то психолог может констатировать, например, «разрыв» между «Я-реальным» и «Я-идеальным», предлагая новые шаги для дальнейшей терапии.

Любая концепция, претендующая на объяснение человеческой психики, стремится всячески скрыть свой ценностно-идеологический характер и представить себя как научно доказанную теорию. Язык такой концепции становится языком власти, навязывая сущностный образ человека и его должного поведения в обществе, и стремится к доминированию в существующем языковом пространстве, один раз «облачившись» в языковые одежды, продолжает структурировать человека на всем протяжении развития. Дискурс власти оказывается перенесенным во внутренний план личности, базируясь на категориях обыденного языка, формирует самосознание.

Власть оказывается не атрибутом одного субъекта, стоящего над всеми, а разлита во всем

пространстве социального взаимодействия, конденсируясь в особых точках, таких как психиатрическая клиника, тюрьма, школа, кабинет практического психолога, и присутствует в повседневном общении.

Движение за «гуманизацию» описываемых дискурсивных практик привело к тому, что «жесткий» психиатрический контроль сменяется «мягким», «недирективным» ценностным контролем. П. Ричер утверждает, что все рассуждения о свободе, потенциале, самоактуализации создают основу для новой разновидности расизма – расизма самоконтроля, т.е. новую форму дискриминации по признаку самоактуализированный / несамоактуализированный, аутентичный / неаутентичный, подлинный / неподлинный.

Таким образом, осмыслена контролирующая, тоталитарная функция языка. Постструктуралисты показывают, как устроена та или иная концепция, каким образом она претендует на онтологический статус своих положений, обеспечивающих ей «властные полномочия». При деконструкции реализуются практики «игры с языком», что дает возможность иного видения, альтернативного конструирования «субъектности». После «смерти» модернистского субъекта постмодерн предлагает новые формулировки «личности». Метафорами личности становятся калейдоскоп, коллаж, мозаика. «Личность» определяется языком ее описания, что позволяет развить чувствительность к многообразию способов ее конструирования, к объяснению смыслов ее поведения.

## Литература

1. Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994.
2. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
3. Современная западная философия: Словарь. М., 1991.
4. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. 1994. №2.
5. Поттер Дж. Дискурс и социальная психология / <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/potter.htm>
6. Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 1998.
7. Практикум по социальной психологии. СПб., 2000.